

Русская каторга в «Записках о Сагарэне» Самукавы Котаро.

© 2011

Е. Иконникова, А. Никонова

В статье анализируется одно из произведений малоизвестного в России японского писателя Самукавы Котаро (1908–1977). Подробно описывается жанр рассказа «Записки о Сагарэне» (*фудоки*) и его сюжет, определяются имена возможных прототипов, проводятся условные параллели с книгой Чехова «Остров Сахалин». В контексте филологического анализа приводятся значительные фрагменты из рассказа в переводе на русский язык.

Ключевые слова: японская литература, *Записки о Сагарэне*, каторга, Сахалин, Самукава Котаро.

В 2010 году исполнилось 115 лет с момента издания самой известной книги о русской каторге — путевых записок «Остров Сахалин» (1895) А.П. Чехова. В соседней с Сахалином Японией эта книга русского писателя представлена в нескольких вариантах перевода (Мацусита Ютака, Хара Такуя и Накамура Тору). Новую волну популярности «Острову Сахалину» обеспечил и очередной роман Мураками Харуки «1Q84» (2009), в котором главные герои читают и многократно цитируют в разговорах значительные фрагменты из книги Чехова. Примечательно, что и в самой Японии есть своеобразный аналог произведения о каторжном Сахалине — рассказ японского писателя Самукавы Котаро (1908–1977, настоящее имя — Сугавара Норимицу) «Записки о Сагарэне» (1941). Однако в силу разных обстоятельств это произведение почти неизвестно широкой читательской аудитории не только в России, но и в самой Японии. Между тем, обращение Самукавы Котаро к образу русской каторги, которую когда-то посетил Чехов, не случайно. Этот интерес подчеркивается, прежде всего, рядом фактов из биографии писателя¹.

Самукава Котаро родился в городе Хаборо на острове Хоккайдо. Его отцом был знаменитый ботаник Сугавара Сигэдо² (1876–1967). С 1921 г. будущий писатель прожи-

---

Иконникова Елена Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета.
E-mail: e.a.ikonnikova@gmail.com.

Никонова Александра Сергеевна, студентка магистратуры Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: e.s.nikonova@yandex.ru.

вал на южной части Сахалина, считавшейся в то время приобретенной по итогам русско-японской войны (1904–1905) новой колонией — губернаторством Карафуту (1905–1945). Личный опыт, воспоминания о прошлом, знакомство и работа с историками-краеведами определили главное направление в творчестве Самукавы Котаро. Дальний Восток с его колоритными и малоисследованными островами стал основополагающей темой для многочисленных рассказов и повестей писателя: «Браконьеры» (1939), «Каторжанка» (1940), «Пролив» (1940), «Миф» (1940), «Лисицелов» (1940), «Одинокий остров» (1941), «Путевые записки о Карафуту» (1941) и другие.

Повесть «Браконьеры» — дебютное произведение Самукавы Котаро — принесла писателю желаемый успех и внимание со стороны критики. За это произведение он был отмечен десятой премией имени Рюноске Акутагавы (1940), став тем самым первым литератором с Хоккайдо, удостоенным такой высокой награды. И именно «Браконьеры» вместе с рассказом «Чары зеленого леса» (1939) являются пока единственными переводами Самукавы Котаро на русский язык. Примечательно, что повесть «Браконьеры», в которой описана сложная судьба северного охотника по прозвищу Барс, появилась в России благодаря журналисту и переводчику М.П. Григорьеву (1899–1943), чья жизнь на протяжении нескольких лет была связана с Сахалином³. С 1928 г. М.П. Григорьев служил в правлении нефтяной компании «Кита Карафуту» («Северное Карафуту»). Одновременно с работой в «Кита Карафуту» М.П. Григорьев занимался переводами японской литературы на русский язык. В число привлечших внимание переводчика писателей попал и его современник — автор малой и средней прозы Самукава Котаро, которому еще только предстояло написать свои главные произведения. В годы работы М.П. Григорьева в «Кита Карафуту» Самукава Котаро жил на Сахалине. После получения молодым писателем премии Акутагавы его имя стало знаменито в новой колонии. Этому событию была посвящена развернутая статья в одном из номеров «Карафуту симбун» («Газета Карафуту»).

Факт личного знакомства Григорьева и Самукавы пока еще не подкреплён фактическими данными. Но есть много косвенных доказательств того, что такое знакомство русского переводчика и японского писателя могло иметь место. Не исключено, что из бесед с Григорьевым (или другими русскими людьми, обладающими достаточным уровнем начитанности и образованности) Самукава мог почерпнуть различные сведения из русской истории, общие знания о тюремной системе в России. Кроме того, в прозе Самукавы нередко называются имена сахалинских подвижников и просветителей, используется русская лексика (как специальная, так и общеупотребительная), малоизвестная в те времена широкой общественности.

Образ сахалинской каторги часто встречается в основном корпусе сочинений Самукавы Котаро. Но наиболее полно свое представление о царской России, о господствующих на каторжном острове законах писатель нарисовал в «Записках о Сагарэне». Художественное изображение русской тюремной системы для японской литературы первой половины XX в. — явление уникальное и ранее неизвестное. Но оно свидетельствует о неподдельном интересе Самукавы Котаро к истории Сахалина. В послесловии к сборнику, в котором был впервые издан этот рассказ, Самукава Котаро так пояснял причину создания «Записок о Сагарэне»: «Прежде чем губернаторство Карафуту достигло процветания, здесь в тяжелом положении находились русские каторжники и мы непременно должны выразить им свое сочувствие и благодарность как первым колонизаторам и цивилизаторам острова»⁴.

В «Записках о Сагарэне» для обозначения Сахалина писатель использует не только широко распространенное в его время административное название Карафуто, но и менее устойчивый топоним — Сагарэн, который выносится в заглавие рассказа. Слово «Сагарэн» является транслитерацией в японском языке маньчжурского слова «Сагалиен», от которого происходит современное название острова. До 1905 г. японцы весь остров Сахалин часто называли словом «Карафуто». А после русско-японской войны юг Сахалина стал японским губернаторством, под Карафуто японцы предпочтительнее стали подразумевать только южную часть острова. Для разделения русской и японской частей на острове японцы в отношении северной части Сахалина в отдельных случаях стали употреблять название «Сагарэн».

Однако в книге Самукавы Котаро слово «Сагарэн» используется для обозначения южной части острова. «Когда южная часть Карафуто еще называлась Сагарэном...»⁵, — такими словами начинает свое повествование автор. Подобное название южной части Сахалина не является ошибочным. Самукава Котаро, как и все японцы, приехавшие на Сахалин в период губернаторства Карафуто, подразумевал под словом «Сагарэн» территорию, принадлежащую России. Поэтому, называя южную часть острова Сагарэном, писатель, таким образом, возвращается к событиям до 1905 г., когда юг, по представлению японцев, имел такое же название, как и север, — то есть Сагарэн.

Интересен и выбранный писателем жанр книги. Оригинальное название «Записок о Сагарэне» — «Сагарэн фудоки». *Фудоки* (как «описание земли и нравов») — это повествовательный жанр, допускающий в себе соединение документального и художественного начал. Аналогом жанра *фудоки* в европейской литературе является этнографическая повесть, рассказ или очерк. «Записки» — это один из возможных вариантов перевода слова «фудоки» на русский язык. Примечательно, что именно слово «записки» используется специалистом по творчеству Самукавы Котаро Камией Тадатака для перевода заглавия этой книги на английский язык — «Sagaren Records»⁶.

Сюжет «Записок о Сагарэне» несложен. Географические реалии рассказа узнаваемы и соотносятся со многими конкретными названиями на карте Сахалина в конце XIX — начале XX вв. Главным героем повествования становится ученый из Северной Европы — исследователь почв, профессор М., который противостоит начальнику Корсаковской тюрьмы Васильеву, применяющему физические наказания к заключенным. М. посещает колонию в Корсаковском посту и делает предостережение Васильеву по поводу бесчеловечного отношения к людям. М. убежден, что ссылка заключенного на далекий остров — это уже достаточное наказание, которое значительно изменяет внутренний мир преступников. «Решая наказать заключенного за незначительный проступок, — говорит герой Васильеву, — вы мало-помалу опускаете его до животного»⁷. Столкновения между героями приводит профессора к недолгому тюремному заключению. Однако после окончания тюремного срока он заявляет, что вопреки прежним желаниям не хочет возвращаться к себе на родину. Продолжая свое противостояние с М., Васильев открыто объявляет о намерении выпороть за провинность восьмерых заключенных. В ответ на это профессор обращается к генерал-губернатору Сагарэна с приватной просьбой. Он просит дать ему для сельскохозяйственных работ восемь заключенных. Главный герой полагает, что так он убережет провинившихся людей от физических наказаний, на которых настаивает Васильев.

В «Записках о Сагарэне» есть несколько упоминаний «Острова Сахалин» Чехова. Открывается книга Самукавы Котаро следующими словами: «В эти времена для оз-

накомления с островом на Сагарэн приезжали разные европейцы. Например, Чехов <...> составил свою пейзажную историю увиденного»⁸. Имя русского писателя встречается также и в комментариях к рассказу. Самукаве Котаро не довелось увидеть русскую каторгу собственными глазами, но, отдельные материалы для художественного воплощения «Записок о Сагарэне» писатель, видимо, брал из чеховского «Острова Сахалин». Так, публикация отдельных фрагментов «Острова Сахалин» в переводе Дадзая Тосио состоялась 10 декабря 1941 г.⁹ Эта книга, вошедшая в серию издательства «Карафутто сосё» («Издательская серия Карафутто»), состоит всего из девяти глав. Японский вариант книги включает в себя материалы с 15-ой по 23-ю главы оригинального «Острова Сахалин». Это издание Самукава Котаро не мог прочесть, так как «Записки о Сагарэне» вышли из печати раньше — в ноябре 1941 г. Однако почти двумя годами ранее в «Карафутто сосё» были изданы еще две переводные работы Дадзая Тосио. Под одной обложкой книги были помещены части двух разных произведений: 12, 13 и 14 главы чеховского «Острова Сахалин» и «Воспоминание о Сагарэне» (включающее в себя работу «Каторга и поселение на острове Сахалин...», 1903) сахалинского врача Николая Степановича Лобаса (1858-?)¹⁰. Первое издание этой книги, объединившей двух разных авторов, состоялось 5 декабря 1939 г., а второе — 30 августа 1940 г. Любым из этих изданий мог располагать Самукава Котаро во время работы над «Записками о Сагарэне». К тому же все эти издания имели непосредственное отношение к «Карафутто бунка синкокаи» («Общество содействия развитию культуры Карафутто»), книги которого распространялись, прежде всего, на Южном Сахалине.

Как и у Чехова, рассказ Самукавы Котаро не лишен пейзажных зарисовок. Однако Самукава Котаро в меньшей степени, чем Чехов, вводит пейзаж в пространство своего повествования. В «Записках о Сагарэне» Сахалин представляется местом «бескрайних лесов и полей, где существовала русская колония каторжан, и куда два раза в год, весной и осенью, доставляли ссыльных из европейской части»¹¹. Временные рамки сюжета «Записок о Сагарэне» не указаны. Но предположительно основные события происходят не ранее 1884 г. С 1884 г. каторжан стали привозить на остров дважды в течение одной навигации — весенним и осенним рейсами (до этого отправка ссыльных совершалась только один раз в год)¹².

Корсаковский пост как основное место действия рассказа представляется Самукавой Котаро лаконично: «...с вершины холма тянулась дремучая горная цепь хвойных деревьев. Впереди, прямо напротив, продолжался отлогий холм, а между ними, в долине, виднелись продолговатые крыши деревенских домов. Вокруг тюрьмы можно было увидеть небольшие поля»¹³. Стремясь к соблюдению реалистичности повествования, Самукава Котаро намеренно не указывает точных названий населенных пунктов, расположенных в Корсаковском посту. Однако упоминает, что некоторые события разворачивались либо в поселении К., либо в поселении Т. Эпизодически Самукава Котаро пишет и об айнах как коренных жителях Сахалина.

Однако в контексте «Записок о Сагарэне» важно рассмотреть конкретные исторические лица, возможно ставшие прототипами героев Самукавы Котаро. Вероятно, что в образе профессора М. писатель вывел известного для Сахалина 1870 — начала 1880-х гг. русского агронома Михаила Семеновича Мицуля (1836–1883)¹⁴. Подобное предположение связано с тем, что образ профессора М. во многом совпадает с тем, что было сделано Мицулем на Сахалине. Известно, что Мицуй прибыл на Сахалин в составе комиссии МВД из Петербурга в 1871 г. Герой рассказа Самукавы Котаро тоже приезжает на

Сахалин в составе комиссии. Автор отмечает, что профессор М. приехал из Северной Европы (это обозначение включает в свои географические пределы и Петербург, считающийся «северной столицей» России). Всю свою оставшуюся жизнь Мицуль посвятил изучению Сахалина, описанию его сельскохозяйственных возможностей и оценке колониального режима. Исследователь обошел пешком почти всю южную часть острова, описав почвы, флору и фауну. Его именем названы несколько географических точек на Сахалине: поселок Мицулевка и горный хребет в Корсаковском районе, село Михайловка в Александровском районе, гора в Анивском районе и пик в Холмском районе. Самукава Котаро отмечает, что в честь профессора М. на Сагарэне названо небольшое поселение. Кроме того, по словам писателя, М. «открыл два-три новых вида растений»¹⁵, успев опубликовать информацию об этом в научных журналах. Рассказчику «Записок о Сагарэне» имя профессора М. стало известно вначале благодаря научным изысканиям отца. Позже с деятельностью героя рассказчик познакомился через один из англоязычных журналов, собирая необходимый материал о сахалинской каторге.

Эти и многие другие факты биографии Мицуля находят свое отражение во многих фрагментах «Записок о Сагарэне». Информацию о Мицуле Самукава Котаро мог брать как из собственных источников (отец писателя был сотрудником Сахалинского музея и, очевидно, располагал необходимыми для сына историческими материалами), так и из изданного в то время «Острова Сахалин» Чехова, а именно: из 13-ой главы, в которой неоднократно упоминается имя Мицуля.

Но если в «Записках о Сагарэне» имя Мицуля не называется целиком, то в книге «Канун освоения» выведен герой с такой же фамилией (по-японски она записана катаканой и звучит как «Мицуру»). В «Кануне освоения» Мицуль вместе со своей женой Натальей возглавляет отряд ссыльнопоселенцев. Однако образ Мицуля в этом произведении уходит на второй план, центральное место занимает история поселенца Коровкова (второстепенного персонажа «Записок о Сагарэне»). При этом «Канун освоения» может восприниматься как продолжение, как вторая часть «Записок о Сагарэне». В «Кануне освоения» каторжники выходят на поселение и идут из Корсакова во Владимировку.

В «Записках о Сагарэне» Самукава Котаро ссылается на А.П. Чехова, а в «Кануне освоения» упоминает В.М. Дорошевича. Очевидно, что это свидетельствует об определенном знании писателем русской каторги, на которой, как известно, вслед за Чеховым побывал и Дорошевич. Примечательно, что книга Дорошевича «Сахалин (каторга)» (1903) в то время не была переведена на японский язык (как, впрочем, и сейчас). Не мог читать прозу Дорошевича Самукава Котаро и в переводе на английский язык, который он знал на достаточном уровне (он учился в университете на отделении английского языка, а позже работал на Филиппинах переводчиком для американских военнопленных). Перевод книги Дорошевича «Сахалин (каторга)» на английский язык появился лишь в 2010 г.

Кроме профессора М. (жизнеописание которого достаточно сильно напоминает Мицуля), в «Записках о Сагарэне» примечателен образ военного губернатора острова. Если допустить, что Самукава Котаро, создавая образы героев своих произведений, использовал черты реальных людей, то прототипом военного губернатора в «Записках о Сагарэне» мог стать, например, Владимир Дмитриевич Мерказин (1835—?). Мерказин пребывал на губернаторском посту в 1894–1898 гг., в эти годы хорошо вписывается и то обстоятельство, что каторжан на остров привозили дважды в год. Находится и ряд других косвенных доказательств того, что Самукава Котаро мог отразить в своем произведении деятельность Мерказина¹⁶.

Мерказин был первым военным губернатором Сахалина. Именно благодаря его стараниям на острове возник Сахалинский музей, фонды которого после русско-японской войны оказались в Японии. Самукава Котаро, не чуждый музейной работы, мог слышать от своего отца или его коллег рассказы о просветительской деятельности Мерказина. Проявленное литературным героем Самукавы Котаро губернатором М. милосердие в отношении восьмерых заключенных — факт исключительный. Сахалинские чиновники не столь часто могли позволять себе это. Однако позитивное описание японским писателем губернатора, готового встать на защиту каторжан, отчасти поддерживается одной из строчек книги «Сахалин (каторга)» Дорошевича: «За четыре года управления генерала Мерказина на Сахалине не было ни одной смертной казни»¹⁷.

Однако при сопоставлении дат жизни Мицуля и Мерказина на Сахалине выявляется важное несоответствие. Мицуню умер в 1883 г., а Мерказин находился на Сахалине в период с июля 1893 по май 1898 г., т.е. спустя десять лет после смерти Мицуля. Полагаем, что Самукава Котаро не стремился к исторической точности, но попытался изобразить в характере своих литературных персонажей черты реальных жителей Сахалина.

В противовес гуманному губернатору М. начальник Корсаковского поста Васильев изображается человеком жестоким и бессердечным. За ничтожные провинности он «громко ругает каторжан и назначает им наказания плетью»¹⁸. Васильев не любит «новых ссыльных, которые, приезжая на остров, привозят с собой запах родины, потому что они совершенно не похожи на тех несчастных людей, которые здесь живут»¹⁹. При мысли, что на него возложена задача уравнивать новоприбывших с теми, кто уже обосновался на каторге, Васильев сразу же оживляется. Для исправления различия прибывших в пост каторжников «колотят за лишние разговоры, бьют ногами за смех»²⁰. А с целью устрашения заключенных на каторге нередко устраиваются публичные наказания, свидетелем одного из которых становится профессор М.:

«Несколько бритоголовых человек в серой одежде были выстроены в ряд. <...>

Наступило гнетущее молчание, которое изредка нарушалось глухими звуками металла, кандалов и робкого кашля.

Вскоре раздался пронзительный голос Васильева: «Сидоров, шаг вперед!».

Загребели кандалы. Человек, чью фамилию назвали, с опущенными плечами и унылым видом вышел из шеренги. <...> Стоящий рядом мужчина взмахнул плетью — она тут же издала зловеющий звук, внезапно последовал удар.

— Один! — считал вслух чиновник»²¹.

Профессор М., решив выяснить причину наказания Сидорова, спрашивает сидящего рядом бородатого мужчину:

«— А что плохого совершил этот человек?

— Плохого? Да все, что ни делают эти каторжники, плохо... Этот, видно, упал, перевоза уголь, или же вспахал слишком много; а может за все сразу, — отвечал ему бородатый — человек, уже привыкший к таким зрелищам»²².

Стараясь помешать незаслуженному наказанию, профессор просит Васильева остановить порку. «Вы не добьетесь никакого эффекта такими действиями, — говорит М., — если этот человек действительно виноват, то лучше заставить его пахать землю. Самым действенным будет дать ему время подумать в одиночестве, разве не так?»²³ Васильев отвечает: «Здесь не особо приветствуется такая любовь к каторжникам. Кроме того, угнетать осужденных — это принцип людей, служащих на острове»²⁴.

Попытка М. доказать Васильеву, что нельзя за любой проступок наказывать каторжан, поскольку «это не наказание, а несправедливость»²⁵, не удается. Более того, М. сам оказывается в тюрьме: «Проводи профессора в камеру! Пусть пару-тройку деньков посидит в вонючей клетке»²⁶. При этом М. делает для себя открытие, что «жизнь ссыльных крестьян не заканчивается в клетке. В тюремной камере они проводят весьма небольшое время. Настоящая жизнь для ссыльных начинается только тогда, когда их выпускают из тюрьмы и отправляют на пашню»²⁷.

Но и взгляды на освоение целины у героев не совпадают. Профессор М. вспоминает слова Васильева: «Возделывать поля в такой полярной зоне — это самая большая ошибка. Лучше всего продолжать кормить каторжников испорченной баландой. А что пашня? И так ее уже хватит»²⁸. Ученый по натуре М. возражает начальнику: «Разве плохо здесь растут дикие растения? Кроме этого на полях вокруг тюрьмы достаточно овощей. Если расширить поля, то можно обойтись и без протухшей баланды. Ведь не так уж трудно кормить свежими овощами тех, кто испытывает недостаток в питании. Так вы улучшите здоровье ссыльных, <...> к тому же освоите целину — работа поселений будет успешней. А кормить людей одной баландой весьма безнравственно»²⁹. Но Васильев полагает, что «совершенно безнравственно кормить свежими овощами тех, кому до этого нет никакого дела, поскольку всё, чего хотят ссыльнопоселенцы — это валяться целыми днями, бездельничая. <...> Самое подходящее, — говорит он, — это непрерывно заставлять их работать. Ведь ссыльный, что лошадь, начинает двигаться только тогда, когда ударишь кнутом»³⁰.

О том, как живут и чем занимаются люди на поселении, профессор М. узнает, начиная объезд Сагарэна после выхода из тюрьмы. Однажды ученый «посещает поселение К., расположенное недалеко от Корсакова и видит, что среди десяти дворов в деревне были такие, на которых находились недавно построенные, но уже разрушенные избы и амбары»³¹. М. замечает разруху в поселении и отсутствие жизни в домах. Когда он открыл дверь одной избы, «в лицо ему сразу ударил холодный воздух — это создало впечатление, будто в доме кто-то умер. Комната, в которой оказался профессор, как и в любой крестьянской избе, совмещала в себе кухню и горницу — здесь размещалась разваленная печка, в которой не было огня.

М. позвал, есть ли кто-нибудь, но ему никто не ответил. На столе, расположенном рядом с печкой, он увидел покрытые слоем пыли тарелки и железные кастрюли — это указывало на то, что в доме жило несколько человек. Домашние приборы этим ограничивались. М. внимательно осмотрел все углы, но не увидел вокруг себя ничего, кроме грубых стенных досок. <...> Глубоко вдохнув, он прошел в другую комнату <...>. Из мебели здесь была только сделанная вручную кровать. На ней, закутавшись в лохмотья, лежала бледная женщина — она производила впечатление человека неживого. Несмотря на то, что к ней в дом вторгся неизвестный, женщина, взглянув на него померкшими глазами, сделала жалобное выражение лица.

— Простите, пожалуйста, а что с вашим мужем? Во сколько же он ложится спать? — по-доброму спросил профессор, выражая чувство сострадания. В глазах больной женщины была настороженность, поскольку на каторге она не знала ни одного, кто бы обращался к ней так вежливо. <...>

После повторного обращения незнакомца, женщина нелюбезным тоном наконец-то ответила, что муж ее — любитель азартных игр, и появляется он дома, только когда в нем есть что-нибудь съестное, и теперь едва ли, что вернется.

– Как это не вернется? Это ведь его дом, — утешая, произнес профессор.

– Говорю же, не придет больше, — в том же тоне продолжала женщина.

– Куда же он пошел?

– Куда — не знаю. Но в доме теперь нет ни крошки, а значит, муж не вернется. — Отвечала она, не оставляя даже сомнения в том, что несчастна. <...> В сломанной печке не было огня. Не было здесь и ни одной картошины. В этом унылом заброшенном доме женщина спокойно ожидала надвигающуюся смерть»³².

Подчеркнутое безразличие к жизни обительницы дома, у которой, как и по Чехову, «кроме нужды и праздности есть еще третий источник всяких бед — это муж»³³, вызвано бегством хозяина дома. Без поддержки и средств к существованию женщине легче смириться со своей судьбой, ожидая смерть, чем пытаться противостоять лишениям и трудностям жизни, а тем более вернуть никчемного мужа. При этом о «надвигающейся смерти» героини говорят не только ее померкнувшее выражение глаз, но и отсутствие огня в разваленной печке — на этом факте Самукава Котаро неоднократно заостряет внимание. Погасший огонь выступает символом уходящей жизни обитателей дома. М. старается найти способ, чтобы помочь умирающей женщине:

«— Я пойду разыщу кого-нибудь из соседей. И будем разводить огонь. Еще я попрошу соседей до прихода помощи из Корсакова присмотреть за вами, — сказал он и поднялся с деревянной табуретки.

– Вряд ли Вася даст тебе картошки! Тебе-то что об этом переживать, лучше дай мне спокойно отправиться на тот свет. Надоел уже <...>, — произнесла больная женщина, выражая ненависть вместо благодарности.

Но М., молча развел огонь в печи, а потом пошел к соседям. Пожилой сосед Вася со свирепым лицом сказал, что даром он картошки не даст, поэтому, только заплатив немного денег, М. смог получить пять-шесть картофелин. Сосед, не поверив словам профессора, что тот помогает больной женщине, пребывал в недоумении, пока сам не пришел к ней в дом и не стал с удивлением наблюдать за тем, как неопытный в житейских делах М. варил картофельный суп. Когда ученый стал подносить ложку с супом ко рту больной, сосед больше не смог сдержать своего недоумения:

– Господин! Как бы вы не хотели вернуть эту женщину к жизни, это безнадежно — она вот-вот помрет»³⁴.

Представленный фрагмент не только показывает гуманность профессора, который старается помочь незнакомой женщине, но также позволяет судить об отношениях между людьми на сахалинской каторге. Сосед отказывается давать картошку даром, не пытается как-нибудь помочь умирающей, а, наоборот, приходит в недоумение, что кто-то борется за ее жизнь, тогда как сам он не видит в этом никакого смысла. Все это значит, что люди, живущие на Сахалине, считают жизнь на каторге — страданием, а смерть — избавлением от лишений и нужды.

Следующим местечком, куда приезжает М. ранней зимой становится поселение Т.: «Из десяти с лишним переселенцев колонии Т., <...> в живых осталось всего лишь трое»³⁵. Такое соотношение живых и умерших в колонии заставляет профессора задуматься о том, как «совершенно позабытые администрацией переселенцы выживали в горах. Говорили, что все, за исключением этих троих, умерли либо от злоупотребления алкоголем, который они приобретали у айнов, либо голодной смертью в связи с нехваткой продовольствия. Такого даже во сне не увидишь»³⁶. Кроме того, переселенцев понуждали ехать на неосвоенные земли, даже не заботясь о выборе подходящего места: «Адми-

нистрация острова, отправляя крестьян в качестве переселенцев на неосвоенные земли, не принимала участия в руководстве и выборе подходящей местности для распашки. Отмеченное пятно на <...> карте могло быть расположено в горах, на болоте или озере. Так или иначе, переселенцы были вынуждены уходить на предоставленную им территорию. <...> Люди, которые оказывались на песчаной местности возле берега моря, где всегда дули сильные ветры и стоял туман, окончательно теряли надежду вырастить даже зерно пшеницы»³⁷.

Осваивать непригодную для сельского хозяйства землю было невероятно трудно, и поэтому отчаявшиеся люди, неспособные вести нормальный образ жизни, были вынуждены искать другие способы выживания: «они совершали налеты на деревни айнов, забирали у них собак, которых впоследствии убивали и ели»³⁸. Самукава Котаро сравнивает таких поселенцев с первобытными людьми: «Вид столпившихся над собакой людей говорил об их первобытном образе жизни, далеком от освоения целины»³⁹. Лишить крестьян земли, с помощью которой они могли обеспечить себя продуктами питания, означало обречь их на голодную смерть. Не зная других способов выжить, поселенцы были вынуждены грабить и убивать своих соседей. Другие же поселенцы отказывались противостоять сложившейся ситуации: «взваливали на себя сельскохозяйственные орудия и исчезали в других деревнях. Там они продавали свой инструмент, а все вырученные деньги пропивали или проигрывали в карты»⁴⁰.

Игральные карты, которые неоднократно упоминаются в «Записках о Сагарэне», были основным развлечением каторжан. Другим любимым делом становилась выпивка. При этом алкоголь, наряду с голодом, как пишет Самукава Котаро, являлся главной причиной людской смертности. В создавшейся ситуации виновна, несомненно, была администрация острова, не принимавшая участия в жизни людей, нежелавшая способствовать развитию каторги, что приводило к деградации островного населения и высокой смертности среди него. При этом такое отношение к уже отбывшим наказание людям не скрывается, а, наоборот, подчеркивается начальством. Васильев говорит профессору: «Да хоть бы и осваивать целину <...>, слабаки все равно помрут. Это потому, что на этом острове остаются только сильные»⁴¹. Ссыльнопоселенцам приходилось выживать не только в условиях дикой природы и «соблазнов» каторги, но и в атмосфере царящего на острове чиновничьего произвола. Те, кто, решаясь на крайние меры, пытались противостоять системе, опять попадали в тюремные камеры, а те, кто, смирились со сложившимися обстоятельствами, владели убогим существованием и со временем погибали.

Самукава Котаро рассматривает отношение своих героев к вере в Бога. Примером истинной веры является ссыльнопоселенец Коровков, который прислуживал профессору М. Однажды ученый увидел, как «Коровков, повернувшись к кресту на стене, стал молча молиться. При этом он держался так скромно, что нельзя было и подумать о нем, как о человеке ссыльном»⁴². Религиозному аспекту жизни каторжан Самукава Котаро посвящает несколько фрагментов в «Записках о Сагарэне», поясняя, что «всех людей на острове можно разделить на два типа: озлобленных, духовно искалеченных людей и глубоко верующих, подобных Коровкову. Но и те, кто говорили, что Бог есть, и те, кто отрицали его существование, сходились во мнении о влиянии фатума на человеческие судьбы»⁴³. Верующие каторжники просили у Бога поскорее избавить их от страданий этого мира. А «духовно искалеченные» люди либо никогда не веровали в Бога, либо утратили эту веру еще до того, как попали на Сагарэн.

При этом профессор М., общаясь с разными людьми в маленьких поселениях, «не только не становился духовным пленником этого разложившегося острова, а наоборот, казалось, светлел душой»⁴⁴. Гуманизм профессора и его искреннее желание облегчить жизнь заключенных проявляется в том, как он приходит на помощь к отчаявшимся в своем положении каторжанам. Своим поступком М. показывает, что власть Васильева над заключенными Корсаковского поста не является абсолютной:

«— Ну что ж, сегодня в качестве подарка для вас прикажу наказать розгами лишь на десять ударов больше. Что скажете? — Васильев злобно посмотрел на профессора — тот никак не отреагировал на его слова.

— А сколько осужденных назначено на сегодня?

— Восемь человек... Итак, начнем. — Тут он направился к уже выстроенной шеренге одетых в серые халаты бритоголовых заключенных.

Тогда профессор поднялся с места:

— На этих восьмерых человек у меня есть индивидуальный заказ, и они прямо сейчас переходят в мое распоряжение, — совершенно спокойно констатировал он»⁴⁵.

Немаловажной частью рассказа Самукавы Котаро становится использование специальной, в условиях каторжного Сахалина лексики. Например, на страницах «Записок о Сагарэне» неоднократно упоминается баланда как суп, распространенный в российских тюрьмах. Но если в русском языке слово «баланда» преимущественно относится к похлебке, приготовленной из остатков разнообразной пищи — рыбы, крупы, картофеля или капусты, то в оригинальном тексте это слово записывается только двумя иероглифами — «суп» и «рыба». Наряду с другими специфическими для каторжной жизни понятиями («тюрьма», «кандалы», «надзиратель», «плеть») в рассказе употребляются и несколько заимствований из русского быта, как-то: «печка» или «самовар».

Образ русской каторги, воссозданной Самукавой Котаро в «Записках о Сагарэне», достаточно индивидуален: он отличается заведомой неполнотой, идеалистическими взглядами писателя на русских людей, односторонним изображением существовавших в царской России нравов. Временные и пространственные возможности рассказа ограничены, они не предполагают распространенной истории со значительным количеством персонажей и событий из жизни каторжан. Но даже такой весьма лаконичный, местами исторически неточный (но оправданный художественной задачей) экскурс расширял представление современному японцу об одном из периодов освоения Сахалина. Детально прописанные образы каторжан и свободных жителей острова давали возможность японским читателям представить различные типы русских людей в трактовке Самукавы Котаро.

1. Сахалинские фрагменты биографии Самукавы Котаро см. в ст.: *Иконникова Е.А.* Творческое наследие Самукавы Котаро и его произведения о Сахалине // *Иконникова Е.А.* Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент. — Южно-Сахалинск, 2007. С. 83—88.
2. О сахалинском периоде жизни отца писателя см.: *Накадзава Синго.* Сигэдо Сугавара: ботаник, посвятивший свою жизнь изучению Сахалина / Пер. с яп. В.В. Переславцева // *Краеведческий бюллетень*, 1991. № 1. С. 22—27.
3. *Самукава Котаро.* Браконьеры // *Григорьев М.* Лик Японии: Переводы и эссе (приложение к Буддийскому альманаху). М., 1997. С. 205—229.

4. Цит. По: *Кихара Наохико*. Карафуто бунгаку-но таби (дзё) [Путешествия по литературе Карафуто]. — Хоккайдо, 1994. Ч. 1. С. 331—332. (здесь и далее переводы с японских изданий сделаны А.С. Никоновой).
5. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки. [Записки о Сагарэне]. Токио, 1941. С. 2. (далее цитаты даются по этому изданию).
6. *Katiya Tadataka*, Sakhalin and Samukawa Kotaro // Япония и Россия: диалог и взаимодействие культур: Материалы международной научно-практической конференции (Южно-Сахалинск, сент. 2003 г.). Южно-Сахалинск, 2003. С. 21.
7. Самукава Котаро. Сагарэн фудоки. С. 10.
8. Там же. С. 2—3.
9. *Тэ:хофу Антон*. Сагарэн-то: [Чехов Антон. Остров Сахалин] / Пер. с рус. Дадзай Тосио. Карафутотё: Карафуто со:сё [Губернаторство Карафуто: Изд. серия Карафуто], 1941.
10. *Тэ:хофу Антон*. Сагарэн кико:сё: [Чехов Антон. Путевые заметки по Сахалину (очерк)]; *Роба:су Н.С.* Сагарэн-но омоидэ [Лобас Н.С. Воспоминание о Сахалине] / Пер. с рус. Дадзай Тосио. Карафутотё: Карафуто со:сё [Губернаторство Карафуто: Изд. серия Карафуто], 1940.
11. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки. С. 2.
12. *Кораблин К.К.* Пенитенциарная система на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Вестник ДВО РАН. 2004. № 6. С. 125—126.
13. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки С. 13.
14. См. биографию М.С. Мицуля в кн.: *Алексеев А.И.* Вторая родина. Южно-Сахалинск, 1986.
15. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки. С. 4.
16. Подробнее о сахалинском периоде жизни В.Д. Мерказина см.: *Латышев В.М.* Суровый генерал (О Владимире Дмитриевиче Мерказине) // Губернаторы Сахалина Южно-Сахалинск, 2000. С. 33—42.
17. *Дорошевич В.М.* Сахалин (каторга). — М., 1903. С. 225.
18. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки. С. 4.
19. Там же. С. 6.
20. Там же. С. 6.
21. Там же. С. 8.
22. Там же. С. 9.
23. Там же. С. 9.
24. Там же. С. 10.
25. Там же. С. 10.
26. Там же. С. 11.
27. Там же. С. 13.
28. Там же. С. 13.
29. Там же. С. 14.
30. Там же. С. 14.
31. Там же. С. 22.
32. Там же. С. 22—25.
33. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. М., 1974—1983. Т. 14—15. Остров Сахалин. М., 1978. С. 258.
34. *Самукава Котаро*. Сагарэн фудоки. С. 25—26.
35. Там же. С. 26.
36. Там же. С. 26—27.
37. Там же. С. 27.
38. Там же. С. 27.
39. Там же. С. 27.
40. Там же. С. 27.
41. Там же. С. 15.
42. Там же. С. 18—19.
43. Там же. С. 19.
44. Там же. С. 26.
45. Там же. С. 35—36.